

A devil-like character with horns and a red eye sits on a throne in a gothic setting. The character is wearing a dark, textured suit and a blue cape. The background features ornate stone architecture and a dimly lit atmosphere with candles.

Сергей Свой
**Демон и
кардиолог.
Пожиратель
времени 1**

Сергей Свой

**Демон и кардиолог.
Пожиратель времени 1**

«Автор»

2026

Свой С.

Демон и кардиолог. Пожиратель времени 1 / С. Свой — «Автор»,
2026

Общение с демоном - да пожалуйста! К тому же он чем то напоминает простого человека. И талант вам будет, и достаток, и известность, и самое главное - будет вторая жизнь. Но! За всё нужно будет платить - не забывайте. Чего и сколько? А вот ждите - демон назовет цену.

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Демон и кардиолог. Пожиратель времени 1

Глава 1

Дождь стучал по крыше коттеджа не каплями, а целыми пригоршнями, будто кто-то невидимый и раздражённый швырял на землю мелкую гальку. Glenn Павлович сидел в своём кресле у камина, в котором не горел огонь — только уныло серели цифры на экране электрокамина, имитирующие тепло. Три тысячи семьсот двадцать восьмой день на пенсии. Он не считал их сознательно, просто знал. Счетчик в голове включался сам, как тиканье старых настенных часов в коридоре, которые он сегодня не стал заводить.

Его руки, когда-то славящиеся своим стальным спокойствием и способные зашить аорту под давлением в сто восемьдесят, лежали на коленях ладонями вверх, безвольно. Кожа на них напоминала пергаментную бумагу, испещрённую коричневыми островками пигмента и синими реками вен. Ревматоидный артрит превратил длинные, изящные пальцы в узловатые корни. Боль была его привычным спутником, фоном, белым шумом существования. Но сегодня она уступала место чему-то другому — тяжелой, вязкой пустоте, что заполняла грудную клетку выше диафрагмы. Не боль. Отсутствие.

Он смотрел на экран телевизора, где беззвучно двигались люди в ярких одеждах. Какой-то ток-шоу. Он давно выключил звук. Голоса, даже чужие, раздражали своей настойчивостью. Ему хватало голосов в голове. Вернее, одного голоса. Его собственного, но из прошлого. Он твердил одно и то же, как заевшая пластинка: «Стоило ли?»

Стоило ли провести сорок лет в ослепительно-белых, пахнущих антисептиком коридорах, спасая чужие сердца, если твоё собственное теперь представляло собой лишь дряхлый мышечный мешок, качающий густую, вязкую кровь? Стоило ли получить звание «Лучший кардиохирург области» и благодарственные письма от важных чиновников, если единственное существо, чья благодарность что-то значила, смотрело на него сейчас стеклянными глазами с фотографии на камине?

Его дочь, Ирина. На снимке ей лет десять. Она смеялась, обнимая огромного плюшевого медведя, который был почти с неё ростом. Медведя он купил, но с опозданием на сутки. Он подарил его не на утреннике, где она играла ёжика, а вечером, когда всё уже кончилось, и её глаза были красны не от радости, а от слёз обиды. Он тогда только что закончил восьмичасовую операцию на сердце вице-губернатора. Операция была блестящей. Его жизнь — нет.

Он поднял взгляд от рук. Напротив, на другом кресле, лежала распахнутая медицинская карта. Не его. Его жены, Лидии. Рак. Поздняя диагностика. Он, лучший диагност в городе, пропустил первые симптомы у самой близкой женщины. Он был слишком занят, разбирая чужие кардиограммы. Она утасла быстро, почти не жалуясь, как будто не желая отвлекать его от важной работы. Её последние слова, сказанные уже в полубреду, он помнил дословно: «Glenn, ты обедал? Не забудь поесть».

«Стоило ли?» — снова проскрипело в голове.

Внезапно сердце — это предательское, изношенное насосное устройство в его груди — сбилось с ритма. Не больно. Знакомое чувство: будто птица внутри на мгновение замерла в полёте, сложила крылья и камнем провалилась в пустоту. Затем — глухой, тяжелый удар, от которого вздрогнули все внутренности. Экстрасистола. Пропуск удара с компенсаторной паузой. Его тело напоминало ему, что счетчик тикает не только в голове.

Glenn медленно, преодолевая скрип в коленях, поднялся и пошёл на кухню, чтобы принять таблетки. По пути он взглянул в зеркало в прихожей. Из глубины тёмного стекла на него смотрел незнакомец. Высокий, сутулый скелет, обтянутый блеклой кожей. Глаза, некогда острые, пронзительно-синие, способные одним взглядом заставить медсестру замереть на месте,

теперь были мутными и потухшими. В них плавала только усталость. Бессмысленная, вселенская усталость.

Он принял таблетки, запив тёплой водой из-под крана. Рука дрожала, и несколько капель упали на его поношенный кардиган. Он вытер их ладонью, не глядя.

Вернувшись в гостиную, он остановился у большого окна. За его пределами бушевала ранняя осенняя ночь. Ветер гнул верхушки сосен, росших по краям участка. Его участка. Его тихой, красивой, бесконечно одинокой клетки. Внезапно ему показалось, что между деревьями мелькнула тень. Не собака и не лиса. Что-то выше, вертикальное. Он прищурился. Ничего. Старость играла с глазами.

Гленн вздохнул и потянулся к пульту, чтобы выключить телевизор. В тот момент, когда его пальцы коснулись холодного пластика, в доме погас свет.

Полная, густая темнота, нарушаемая лишь слабым мерцанием экрана электрокамина, который тоже потух. Тишину теперь нарушал только яростный стук дождя по крыше.

«Трансформатор», — равнодушно подумал Гленн. Такое случалось. Он знал, где лежат свечи и фонарик. Он начал движение в сторону кухни, осторожно шаркая ногами, чтобы не наткнуться на мебель. Его руки нащупали дверной косяк. И тут он почувствовал.

Запах.

Не запах гари от короткого замыкания. Не запах сырости, врывающийся с улицы. Это был резкий, чистый, почти химический запах. Как озон после сильной грозы, когда воздух кажется выстиранным и наполненным электричеством. Но грозы не было. Был только дождь.

Запах шёл из гостиной. От его кресла.

Гленн замер. Инстинкт, заглушённый годами апатии, дрогнул. Что-то было не так. Пространство комнаты, знакомое им до последней пылинки, изменилось. Оно стало... плотнее. Как будто в темноту влили тяжёлый, невидимый сироп.

«Кто здесь?» — хрипло спросил он. Его голос, давно не применявшийся для громкой речи, прозвучал как скрип ржавой петли.

Ответа не последовало. Но запах озона усилился. И в темноте, прямо в том месте, где должно было быть его кресло, зажглись два огонька. Не глаза. Слишком ровные, слишком геометричные. Словно кончики двух идеально раскалённых докрасна игл. Они не светили, а скорее отвергали темноту вокруг себя.

Гленн почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Это был не страх в привычном смысле. Это был ужас узнавания. Ужас перед чем-то, что не должно существовать в его упорядоченном, материалистическом мире, но чьё присутствие его разум, даже отупелый от лет, принял мгновенно и безоговорочно. Как принимает диагноз по одному взгляду на кардиограмму.

— Гленн Павлович, — прозвучал голос. Он шёл из темноты, от огоньков, но был тихим, спокойным, почти усталым. В нём не было ни эха, ни металла, ни чего-то потустороннего. Он звучал так, будто говорящий сидел в соседнем кресле и утомлённо обсуждал прогноз погоды. — Простите за вторжение. И за свет. Мелкие технические неполадки часто сопровождают... визиты.

— Кто вы? — выдавил Гленн, чувствуя, как его древнее сердце начинает частить, громко стуча в ушах. — Что вам нужно?

— Я — специалист, — ответил голос. Огоньки чуть сместились, будто существо склонило голову. — По исправлению ошибок. А точнее, по предоставлению второго захода. Вам он, судя по всему, требуется.

Гленн попятился, спиной наткнувшись на косяк двери. Боль в позвоночнике пронзила туман страха, сделав реальность острее.

— Убирайтесь. Или я... я позвоню...

— Кому? — голос прозвучал с лёгкой, почти медицинской жалостью. — Дочь, Ирина, находится в сорока километрах отсюда и спит, приняв снотворное. Ближайший сосед — в полутора километрах. Полиция приедет не раньше чем через сорок минут, учитывая погоду. Да и что вы скажете? «Ко мне в дом проник мужчина с горящими глазами»? Они спишут это на старческий бред. Деменцию. Вы же и сами в последнее время об этом задумываетесь, не так ли?

Слово «деменция» ударило Гленна сильнее, чем сверхъестественное появление незнакомца. Это был его тайный, самый чёрный страх. Потерять разум. Стать овощем. Неужели это оно и началось? Галлюцинации?

— Вы не галлюцинация, Гленн Павлович, — сказал голос, как будто прочитав его мысли. — Хотя, признаю, сходство есть. Галлюцинации — это порождения вашего мозга. А я... я пришёл извне. Позвольте представиться. Меня можно называть... ну, скажем, Консультант.

В темноте что-то щёлкнуло. Мягкий, золотистый свет настольной лампы вспыхнул на журнальном столике. Лампа была включена в розетку. Электричество вернулось.

В его кресле сидел мужчина.

Он выглядел на сорок с небольшим, одет в немаркий, но явно не новый твидовый пиджак и простые брюки. Лицо у него было невыразительное, обыкновенное, с лёгкой усталостью в уголках рта и глаз. Ничего демонического. Если бы Гленн встретил его в больничной очереди или в читальном зале, он не обратил бы на него внимания. Только глаза... глаза были обычного серого цвета, но в их глубине, если приглядеться, будто догорали те самые красные игольчатые огоньки, как угольки под пеплом.

— Вот так лучше, — сказал Консультант. Он сидел расслабленно, положив одну ногу на колено другой. В его руках был стакан. Гленн не видел, чтобы он наливал воду. — Присаживайтесь, Гленн Павлович. Давайте поговорим. Не как врач с пациентом, а как... коллеги. Вы ведь ценили профессионализм.

Гленн не двигался. Адреналин, выброшенный в его дряхлые сосуды, заставлял дрожать колени. Он чувствовал себя глупо, беспомощно и смертельно уставшим.

— Что вы хотите? Денег? У меня есть сбережения...

Консультант махнул рукой, как отмахиваются от назойливой мухи.

— Боже упаси. Валюта вашего мира для меня не имеет значения. Мне интересны ваши... активы другого рода. Ваши годы. Ваши сожаления. Ваша нереализованная потенциальная жизнь. Всё то, что вы так щедро разбазарили, спасая других.

— Я... я не жалею о своей работе, — хрипло сказал Гленн, но даже ему самому его слова показались фальшивыми.

— Не о работе, — поправил Консультант. Его голос стал мягче, почти терапевтичным. — Вы жалеете о выборе. Работа была лишь полем, где этот выбор проявлялся. Вы выбрали долг перед чужими сердцами, пренебрегая теми, что бились рядом с вами. И теперь ваше собственное сердце подаёт вам сигналы. Оно устало. Оно хочет покоя. Но разум — нет. Разум кричит: «Стоило ли?». И ответ, Гленн Павлович, вас убивает. Медленно, но верно.

Гленн молчал. Слова незнакомца, как скальпель, вскрывали гнойник, который он годами старался не трогать.

— Я предлагаю исправить ошибку, — продолжал Консультант. — Не магией. Не фокусом. А предоставив вам инструмент. Возможность вернуться в ключевую точку и переиграть партию.

— В ключевую точку? — прошептал Гленн.

— 17 октября 1987 года. День школьного утренника вашей дочери. День, когда вы сделали выбор, определивший траекторию всего последующего. Вы вернётесь в своё тело тридцатидвухлетнего Гленна Сиверского, на пике сил, на рассвете карьеры. Вы проснётесь утром того дня, зная всё, что знаете сейчас. И вы сможете поступить иначе.

Гленн почувствовал, как по его щекам, морщинистым и сухим, скатываются две горячие слезы. Он даже не заметил, как начал плакать. Образ Ирины в костюме ёжика, с обиженными, покрасневшими глазами, встал перед ним с такой яркостью, будто это было вчера.

— Зачем? — прошептал он. — Почему вы предлагаете это мне?

— Потому что вы — идеальный кандидат, — сказал Консультант, и в его голосе впервые прозвучали нотки чего-то, отдалённо напоминающего профессиональный интерес. — Вы — человек действия. Хирург. Вы привыкли исправлять чужие ошибки скальпелем. Теперь вам дадут шанс исправить свои. А плата... плата будет соответствовать принципам вашей же профессии. Орган за орган.

Гленн вздрогнул.

— Что?

— Вы вернётесь в своё молодое тело, но с одним... физическим напоминанием о договоре. Небольшим дефектом. Это будет справедливо. Вы, отдавая всё чужим органам, пренебрегли своими связями. Теперь связь будет физической. И каждый раз, когда вы в новой жизни совершите истинный, бескорыстный акт милосердия — того милосердия, которого так не хватало вам в прошлой жизни — дефект будет реагировать. Не причиняя боли. Просто... напоминая. Это будет ваш личный кардиограф, отслеживающий рост вашей человечности. И моя плата.

— Ваша плата? Но вы сказали — орган за орган...

— Именно, — кивнул Консультант. — Я не заберу ваш орган, Гленн Павлович. Я его... добавлю. Тот, что станет вашим напоминанием. И моим инструментом наблюдения.

Гленн смотрел на него, не понимая. Его мозг, затуманенный эмоциями, отказывался воспринимать суть.

— Что... что это будет?

— Не могу сказать. Это... имплант. Сущность. Чужеродный объект, вшитый в вашу плоть на уровне реальности. Он будет спать. Но ваши добрые дела будут его питать, будить. И чем больше вы станете тем человеком, которым хотели бы стать, тем сильнее он проявит себя. Это симбиоз, Гленн Павлович. Справедливый. Вы получаете шанс. Я получаю... интересный эксперимент.

— А если я откажусь?

Консультант пожал плечами.

— Тогда вы вернётесь к своему электрокамину и таблеткам. К тикающему счетчику дней. К вопросу «Стоило ли?», который будет звучать всё громче, пока не заглушит последний удар вашего сердца. Я уйду. И вы больше никогда меня не увидите. Наверное. Выбор за вами.

Он поднялся с кресла. Его движения были плавными, лишёнными суеты. Он подошёл к окну, глядя на бушующую ночь.

— Подумайте, Гленн Павлович. Вы прооперировали две тысячи четыреста семнадцать сердец. Спасли бессчётное количество жизней. Но не смогли спасти одну — свою собственную, в смысле счастья. Здесь, сейчас, у вас есть шанс сделать единственную операцию, которая имеет значение. Над самим собой.

Гленн закрыл глаза. Перед ним проплывали картины. Лицо Лидии на смертном одре. Ирина, хлопающая дверью своей комнаты, когда ей было шестнадцать. Его собственное отражение в зеркале операционной — уверенное, холодное, сосредоточенное. И пустое кресло у камина, в котором он сидел последние три тысячи семьсот двадцать восемь дней.

Боль от артрита. Глухая ноющая боль в груди. Запах одиночества, который стал для него привычнее, чем запах дома.

— Хорошо, — прошептал он, не открывая глаз. — Я согласен.

В комнате воцарилась тишина. Даже дождь за окном будто затих на мгновение.

— Мудрое решение, — сказал Консультант. Его голос прозвучал прямо у самого уха Гленна, хотя он не слышал шагов. — Заключим сделку.

Холодные, сухие пальцы коснулись его лба. Лёгкое прикосновение, как у врача, проверяющего температуру.

И мир ушёл.

Не в темноту. Не в свет. Он растворился в вихре ощущений. Гленн почувствовал, как его кости молодеют, теряя хруст и боль. Как кожа натягивается, становясь упругой. Как мускулы наполняются силой, которой он не ощущал десятилетиями. Это было экстатично, невыразимо прекрасно. Он парил в потоке времени, текущем вспять.

И в самый пик этого ощущения, в центр груди, чуть левее грудины, впилась острая, ледяная точка. Как укол тончайшей иглы, заполненной жидким азотом. Холод расплзся по тканям, заморозил на мгновение само сердце, а затем — исчез. Оставив после себя лишь воспоминание о холоде и... тяжесть. Лёгкую, едва уловимую, как будто на цепочке у сердца повесили маленький, холодный грузик.

Гленн открыл глаза.

Над ним был не потолок гостиной с трещинкой у люстры, а знакомый, но забытый узор из потолочной плитки в спальне его старой квартиры. Утренний свет, желтый и наглый, бил в глаза через незадернутые шторы. Он лежал на старой пружинной кровати, которая скрипела при каждом движении. Рядом, на тумбочке, тикали электронные часы с красными цифрами.

17.10.1987 06:45

Он сел резко, как молодой. Сердце забилось часто, но ровно, мощно. Он поднял руки перед лицом. Руки! Длинные, сильные пальцы без единого признака артрита. Кожа гладкая, с легким загаром. Он вскочил, подбежал к зеркалу на стене.

Тридцатидвухлетний Гленн Сиверский смотрел на него широко раскрытыми, яркосиними глазами. Высокий, подтянутый, с густыми темными волосами. В нём бушевала энергия. Он был жив. Он был здесь.

Потом он вспомнил. Утренник. Начало в десять. Он должен был быть в больнице к восьми на плановый обход, а потом — сложная операция, та самая, на важном чиновнике. Операция, которая длилась восемь часов и закончилась глубокой ночью.

«Нет», — подумал он с новой, молодой силой. — «Не сегодня».

Он на ощупь нашёл на тумбочке очки в тонкой металлической оправе (зрение ещё было идеальным, привычка), надел их и взглянул на себя ещё раз. И тогда он заметил.

На груди, чуть левее грудины, прямо над сердцем, был шрам. Небольшой, может быть, три сантиметра в длину. Бледный, почти белый, с перламутровым отливом. По форме он напоминал... отпечаток. Отпечаток тонких, длинных пальцев. Как будто кто-то схватил его за сердце и на мгновение сжал, оставив метку.

Он дотронулся до шрама. Кожа была холодной. На ощупь — обычный рубец, немного плотнее окружающей ткани. Ни боли, ни зуда.

«Орган за орган. Ваш личный кардиограф», — пронеслось в памяти голос Консультанта.

Гленн глубоко вдохнул, отводя взгляд от зеркала. Не сейчас. Сейчас у него была миссия. Он быстро оделся в простые джинсы и свитер (как же это было легко без дрожащих рук и ноющей спины!), наскоро выпил чашку кофе, которую сам же и сварил на старенькой эспрессо-машине. Лидия уже увела Ирину в сад — готовить её к выступлению. Он слышал их смех за окном. Звук ударил его в самое нутро, заставив снова навернуться слезы. Он их слышал! Они были здесь, живы, рядом.

В семь тридцать он позвонил в больницу.

— Дежурный? Сиверский на связи. Срочно найти Бориса Михайловича, пусть берёт мою операцию. Нет, со мной всё в порядке. Семейные обстоятельства. Да, крайне важные. Все записи и снимки у меня на столе. Пусть звонит, если что. Да. Спасибо.

Он положил трубку, чувствуя лёгкое головокружение от собственной наглости. Он никогда, НИКОГДА не отменял операции. Никогда не ставил личное выше профессионального. Это был первый шаг. Первый акт неповиновения старой жизни.

Он выскочил из дома, даже не позавтракав как следует. На улице стояла золотая осень. Воздух был свежим, пахнущим опавшей листвой и дымком. Он шёл быстрым, упругим шагом к автобусной остановке, чувствуя, как работают мышцы ног, как легко дышится. Он был богом. Он был спасён.

В центре города он зашёл в самый большой игрушечный магазин. Его глаза разбегались. И тогда он увидел его. Огромного, почти в человеческий рост, плюшевого медведя коричневого цвета, с глупой и доброй улыбкой на морде. Того самого, которого он купил тогда вечером, в сумерках, когда всё уже было кончено.

— Этот, — сказал он продавщице, и голос его звучал твердо и радостно.

Неся под мышкой гигантского медведя, который перекрывал ему половину обзора, Гленн ловил на себе удивлённые и улыбающиеся взгляды прохожих. Ему было плевать. Он поймал такси и сказал адрес школы.

Он приехал за двадцать минут до начала. Школа уже была полна родителями и наряженными детьми. Он, с медведем в обнимку, протиснулся в холл и стал искать глазами Ирину.

И увидел. Она стояла с мамой у колонны, в костюме ёжика — серый комбинезон с пришитыми «иголками» и смешной маске с носом-пуговицей. Она выглядела одновременно взволнованной и немного испуганной.

— Пап! — вдруг закричала она, заметив его. Её лицо просияло таким чистым, безудержным счастьем, что у Гленна перехватило дыхание. Она бросилась к нему, игнорируя окружающих.

— Папа, ты пришёл! Мама говорила, что у тебя важная операция...

— Никакая операция не важнее моего ёжика, — хрипло сказал Гленн, опускаясь на одно колено и обнимая её вместе с медведем. Он прижал её к себе, вдыхая запах детского шампуня и крахмала от нового костюма. Он плакал. Он не мог остановиться. — Прости меня, солнышко. Прости за всё.

— Что ты, пап? — удивилась она, вытирая его щёку своей маленькой ладошкой. — Ты же здесь.

Лидия подошла к ним. В её глазах стояли слёзы, но она улыбалась. Улыбка была немного недоуменной, но счастливой.

— Гленн... я не ожидала. Как операция?

— Передал коллеге, — коротко сказал он, поднимаясь. Он взял жену за руку, сжал её пальцы. — Всё в порядке.

Утренник прошёл как в сказке. Ира выступила прекрасно. Гленн аплодировал до боли в ладонях. Он ловил каждый её взгляд, каждую улыбку. Он был полон. Полон так, как не был никогда.

После утренника они пошли в кафе-мороженое. Ира не отпускала медведя ни на секунду. Лидия смотрела на Гленна задумчиво, но с теплотой.

— Ты... какой-то другой сегодня, — сказала она тихо, пока Ира выбирала шарики мороженого.

— Просто понял, что был идиотом, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. — И больше не буду.

Вечером, уложив Иру спать (медведь занял почётное место на кресле рядом с кроватью), Гленн стоял в ванной, глядя на своё отражение. День был совершенен. Он совершил то, что должен был совершить тридцать пять лет назад. Он исправил ошибку.

Его взгляд упал на шрам. Бледный, в форме отпечатка пальцев. Он дотронулся до него снова. Холодный. Он улыбнулся. Небольшая плата. Ничего, что не мог бы вынести хирург.

Он принял душ, лёг в кровать рядом со спящей Лидией, обнял её и почти мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

А ночью ему приснился сон.

Он стоял в абсолютной темноте. И слышал стук. Не громкий. Тихий, мерный, настойчивый. Тук-тук. Тук-тук. Это было похоже на биение сердца, но не его. Ритм был чуть медленнее, глубже, как будто звук шёл из-под толстого слоя земли или воды. И этот стук шёл из его собственной груди. Из-под шрама.

Во сне он посмотрел вниз. На его груди, прямо поверх шрама, проступила лёгкая, ритмичная пульсация. Как будто под кожей билось второе, маленькое, холодное сердце.

Гленн проснулся от собственного всхлипа. Было темно. Лидия мирно спала рядом. Стук прекратился. Но ощущение тяжести в груди, едва уловимое, осталось. И было чувство, что холод от шрама распространился чуть дальше, на ребро.

Он лежал, глядя в потолок, и слушал тишину. В ней не было ответа. Только память о странном ритме, который теперь, казалось, отзывался где-то глубоко внутри, в такт его собственному, живому, горячему сердцу.

Первый день второй жизни закончился. Тихое, холодное эхо сделки начинало свой отсчёт.

Глава 2

Холодный груз

Следующие несколько дней были для Гленна похожи на хождение по тонкому, прозрачному льду, под которым плескалась вода его прошлой жизни. Он видел обе реальности одновременно: яркую, насыщенную новую и блеклую, унылую старую, как два наложенных друг на друга слайда.

Он вернулся в больницу на следующий день после утренника. Коллеги встретили его сдержанными улыбками и вопросами в глазах. Борис Михайлович, опытный, но вечно недовольный хирург, провёл операцию с чиновником безупречно. Гленна это не удивило — он знал, что так и будет. Он сам когда-то, в той жизни, провёл её так же.

— Ну что, Гленн Павлович, отдохнули? — спросил Борис Михайлович, снимая шапочку в ординаторской. В его голосе сквозила лёгкая ирония. — Семейные обстоятельства, говоришь? Никогда за тобой такого не водилось.

— Бывает, — коротко ответил Гленн, открывая свой шкафчик. Он поймал на себе взгляды других врачей. Для них он был эталоном — безэмоциональным, сконцентрированным, идеально предсказуемым механизмом. Его внезапный сбой нарушил порядок вещей. Это их насторожило.

В тот день у него была плановая операция — аортокоронарное шунтирование. Пациент, мужчина лет пятидесяти, водитель автобуса, с тяжёлой стенокардией. Старый Гленн провёл бы эту операцию быстро, чисто, с холодной эффективностью. Он думал бы о технике, о рисках, о прогнозе. Новый Гленн, стоя над распахнутой грудной клеткой, глядя на больное, уставшее сердце, увидел в нём не просто орган, а целую жизнь. Он увидел человека, который, возможно, тоже пропускал утренники своих детей, торопясь на утренний рейс. Он увидел груз лет и стресса, отложившийся в виде холестериновых бляшек.

И в самый момент, когда он с необычайной, почти болезненной остротой осознал хрупкость этой жизни, которую держал в своих руках, он почувствовал это.

Холод в груди. Не просто воспоминание о шраме. Физическое ощущение. Будто за грудной костью, рядом с его собственным сердцем, лежал кусочек льда. И этот лёд слегка, едва заметно, подернулся. Как будто что-то внутри него пошевелилось во сне.

Рука Гленна не дрогнула. Десятилетия опыта взяли своё. Но внутри него всё сжалось. Он быстро завершил манипуляцию, передал инструменты ассистенту.

— Всё в порядке, Гленн Павлович? — тихо спросила операционная сестра Анна, его неизменная правая рука на протяжении многих лет. Она первая замечала малейшие изменения в его состоянии.

— Всё нормально, — буркнул он. — Продолжаем.

Операция закончилась успешно. Но чувство холода и странной, тяжёлой пульсации не уходило ещё пару часов. Только к вечеру, когда он вышел на свежий воздух и сделал несколько глубоких вдохов, оно притупилось, вернувшись к фоновому ощущению лёгкого инородного тела.

«Каждый раз, когда вы совершите истинный акт милосердия... дефект будет реагировать», — вспомнил он слова Консультанта.

Но это же была его работа! Спасение жизней. Разве это не акт милосердия? Похоже, демон имел в виду что-то другое. Что-то личное. непрофессиональное. То, что выходило за рамки его обязанностей.

Вечером он пришёл домой, где его ждали Лидия и Ира. Дом пах пирогом. Лидия что-то напевала на кухне. Это было так непохоже на тихую, почти институтскую стерильность его коттеджа в будущем. Здесь была жизнь. Шумная, пахнущая, настоящая.

Он обнял жену сзади, пока она месила тесто. Она вздрогнула от неожиданности, потом рассмеялась.

— Гленн! Что это на тебя сегодня нашло?

— Просто соскучился, — сказал он, и это была правда. Он тосковал по этому запаху, по этому теплу тридцать пять лет.

Он играл с Ирой, помогал ей с уроками (первый класс, палочки и крюпочки), читал ей на ночь сказку. И каждый раз, когда он смотрел на неё, на её доверчивые глаза, в груди слабо и нежно ныло — но это была хорошая боль. Боль осознания того, что он имеет шанс. А холодный шрам молчал.

Ночью сон повторился. Тёмная пустота. Ритмичный, чуждый стук из глубины груди. На этот раз он был немного громче. И во сне Гленн понял, что это не просто стук. Это был зов. Немой, лишённый смысла, но настойчивый, как радиомаяк.

Он проснулся в холодном поту. Рука автоматически потянулась к груди. Шрам был холодным, как всегда. Но под пальцами он почувствовал не просто рубец. Ему показалось, что ткань под ним слегка вибрирует, как натянутая мембрана, по которой только что ударили.

Лидия перевернулась на другой бок, пробормотала что-то во сне.

Гленн осторожно встал и прошёл в ванную. Включил свет. При ярком освещении шрам выглядел ещё более чуждым. Перламутрово-бледный, он словно не отражал свет, а поглощал его. Гленн приложил к нему палец, потом ладонь. Холод шрама был абсолютным, не связанным с температурой тела. Как будто под кожей была не плоть, а кусочек мрамора, вынутого из вечной мерзлоты.

— Что же ты такое? — прошептал он.

Ответа не последовало.

На следующий день, по дороге в больницу, он стал свидетелем мелкой, но отвратительной сцены. Молодой парень в кожаном пиджаке грубо оттолкнул пожилую женщину с сумкой-тележкой, чтобы пройти первым в двери магазина. Женщина едва удержалась на ногах, сумка опрокинулась, и по тротуару рассыпались банки с консервами.

Старый Гленн прошёл бы мимо. У него были дела. Он ненавидел беспорядок и человеческую глупость. Но новый Гленн, в котором клокотала нерастраченная нежность к своей семье и острое чувство вины перед всеми, кого он игнорировал, остановился как вкопанный.

— Эй, ты! — его голос, привыкший командовать в операционной, прозвучал резко и властно. — Подними и извинись.

Парень обернулся, оценивающе оглядел Гленна. Увидел строгое, интеллигентное лицо, хорошее пальто. Презрительно фыркнул.

— Иди лечи кого-нибудь, доктор. Не твоё дело.

И повернулся, чтобы уйти.

Что-то в Гленне щёлкнуло. Не гнев. Чистое, яростное неприятие несправедливости. Он двумя шагами нагнал парня, схватил его за плечо и развернул к себе. Сила в его молодых руках была неожиданной даже для него самого.

— Извинись перед женщиной. Сейчас же.

В глазах парня мелькнула неуверенность. Окружающие начали останавливаться, смотреть.

— Ладно, ладно, — буркнул он, вырываясь. — Бабка, извини.

Он бросил это через плечо и быстро скрылся в толпе.

Гленн подошёл к старушке, которая, дрожащими руками, пыталась собрать банки.

— Позвольте мне.

Он опустил на корточки и стал аккуратно складывать покупки обратно в сумку. Женщина смотрела на него полными слёз благодарности глазами.

— Спасибо тебе, сынок... Такие молодцы редкость нынче... Спасибо...

Он помог ей донести сумку до скамейки, убедился, что с ней всё в порядке, и только тогда пошёл дальше. В груди у него горело от странного, почти юношеского чувства праведности. Он сделал правильно. Маленькое, ничтожное в масштабах мира дело, но правильное.

И тогда холод в груди вспыхнул с новой силой.

Его чуть не согнуло пополам. Это было не больно. Это было похоже на то, как если бы внутри него раскрылся крошечный парашют из льда, наполняя грудную клетку ледяным тяжестью. Он прислонился к стене дома, хватая ртом воздух. Холод был таким интенсивным, что ему показалось, будто из рта вот-вот пойдёт пар. Сердце забило в панике, пытаясь согреться. И сквозь его собственный частый ритм он услышал.

Тук... .. тук.

Медленный. Глухой. Чёткий. Всего два удара, с огромной паузой между ними. Идущие не из ушей, а прямо из костей, из центра тяжести его тела.

Это длилось несколько секунд. Потом холод отступил, сжавшись обратно в привычную холодную точку. Но тяжесть осталась. Теперь она была ощутимее. Как будто в его грудную полость подложили небольшой свинцовый диск.

Гленн стоял, опираясь о стену, и с ужасом осознавал правоту Консультанта. Это не было метафорой. В нём что-то было. И оно реагировало. Не на профессиональный долг. А на личный, бескорыстный, выходящий за рамки обязанностей порыв.

«Орган за орган», — пронеслось в голове. Он отдал своё безразличие, свою холодную эффективность. А ему вживили... что? Совесть в физическом воплощении? Кардиограф, следящий за ростом человечности? Звучало как безумие. Но холод в груди был реален.

Остаток дня он провёл в состоянии отрешённости. Коллеги заметили его бледность и рассеянность.

— Гленн, ты точно в порядке? — спросил его за чаем Борис Михайлович. — На тебе лица нет. Может, тот твой «семейный» день чего серьёзного вскрыл?

— Всё в порядке, — автоматически ответил Гленн. — Просто не выспался.

Он не мог никому рассказать. Это было бы чистым безумием.

Вечером, дома, он попытался вести себя как обычно, но Лидия была не дура.

— Гленн, что-то случилось в больнице? — спросила она, когда Ира ушла в свою комнату рисовать.

— Нет, почему?

— Ты весь вечер как будто не здесь. И днём, когда звонил, голос был странный.

Он посмотрел на неё. На её живое, озабоченное лицо. На морщинки у глаз, которые в его прошлом были глубокими бороздами горя и одиночества. Он не мог обременять её этим. Не сейчас. Не когда у них только-только началось что-то новое, хрупкое и прекрасное.

— Просто устал, Лида. Одна сложная операция. Всё хорошо.

Он обнял её, прижался лицом к её волосам. Она пахла домом. Настоящим домом. Он готов был терпеть холод, тяжесть и ночные стуки, лишь бы это оставалось с ним.

Ночью стук повторился снова. Теперь он был не просто ритмичным. В нём появилась... сложность. Это был не просто «тук-тук». Это было «тук-пауза-тук-тук... пауза... тук». Как будто что-то пыталось выстучать простейший код. Морзе. Но Гленн не знал морзе.

Он встал и сел на кровати, положив ладонь на грудь. Через кожу он чувствовал лёгкую, но отчётливую вибрацию. Холодный шрам пульсировал в такт этому чуждому ритму.

— Замолчи, — прошептал он сквозь зубы. — Замолчи.

Стук продолжился ещё минуту, потом затих. Но ощущение присутствия, тяжёлого, холодного, инородного, осталось. Оно теперь было с ним постоянно.

На следующее утро, пока Лидия собирала Иру в школу, Гленн зашёл в ванную и долго смотрел на себя в зеркало. Он выглядел прекрасно. Молодо, здорово. Но его глаза... в них появилась тень. Не усталость, а настроенность. Ожидание. Он изучал свой торс, искал изме-

нения. Кроме шрама, вроде бы ничего. Но он чувствовал разницу. Его грудная клетка казалась чуть более... наполненной. Как будто органы внутри сместились, уступая место новому соседу.

Он решил проверить. В больнице, между операциями, он зашёл в рентген-кабинет. Там работала Валентина Семёновна, пожилая, вьедливая рентгенолог, которая знала его со времён интернатуры.

— Гленн Павлович? Какими судьбами? — удивилась она.

— Беспокоит небольшой дискомфорт в груди, Валентина Семёновна, — сказал он максимально профессиональным тоном. — Старые последствия травмы, думаю. Можно быстро снимок сделать? Без оформления, для себя.

Она посмотрела на него с пониманием. Врачи часто сами себя диагностировали, это было в порядке вещей.

— Конечно, проходите.

Он разулся, снял верх и встал за экран. Процедура заняла несколько минут.

— Подождите в кабинете, проявлю, — сказала Валентина Семёновна.

Гленн ждал, сидя на стуле и слушая, как бьётся его сердце. И пытаясь различить в его ритме что-то ещё.

Через десять минут рентгенолог вернулась. На её лице было странное выражение — смесь недоумения и профессионального интереса.

— Ну, Гленн Павлович, — сказала она, подходя к негатоскопу и зажигая его. — С травмой тут всё в порядке. Ребра целы, лёгкие чистые, сердце... сердце в норме.

Она прикрепила большую чёрную плёнку. Гленн встал и подошёл.

И увидел.

Его собственное сердце, знакомое очертание, немного смещённое влево, как и положено. Лёгкие, рёбра. Всё как всегда. Но.

Над верхней границей сердца, почти под самой грудиной, там, где в норме находится просто средостение, жировая ткань, он увидел... тень. Нечёткую, размытую, но явно отличную от окружающих структур. Она была неправильной формы, примерно с половину его собственного кулака. И на снимке она казалась... плотнее. Более тёмной. Как будто в его грудной клетке лежал небольшой, плотный, холодный камень.

— Вот это, — ткнула Валентина Семёновна пальцем в тень. — Это что такое, Гленн Павлович? Новообразование? Опухоль? Но контуры не характерные... И локализация странная. Вы ничего не чувствуете?

Гленн смотрел на снимок, и его мир сузился до этой серой, бесформенной тени. Орган за орган. Так вот что ему «добавили». Не метафору. Физический объект.

— Старая гематома, наверное, — сказал он своим самым спокойным, врачебным голосом. — После того падения, помните, на льду года три назад. Организовалась, кальцинировалась. Ничего страшного.

— Гематома? — скептически протянула рентгенолог. — Такой плотности? И в таком месте? Может, сделать КТ? У нас новый аппарат как раз...

— Нет-нет, спасибо, Валентина Семёновна, — поспешно сказал Гленн, снимая снимок с экрана. — Я и так всё понял. Не беспокоит практически. Просто хотел убедиться. Вы не против, если я заберу снимок?

— Да забирайте, конечно, — она всё ещё смотрела на него с подозрением. — Но если что-то заболит — сразу ко мне. Или к онкологам.

— Обязательно, — улыбнулся он, надевая рубашку.

Выйдя из кабинета, он свернул в пустую лестничную клетку и прислонился к холодной стене. Дрожь, которую он сдерживал, вырвалась наружу. Он развернул снимок и снова уставился на тень. Это было реально. В нём, в самом буквальном смысле, было что-то лишнее.

Внезапно, как будто в ответ на его панику, холод в груди снова ожил. Не вспышкой, а медленной, ползучей волной. И в ушах, не в ушах даже, а прямо в костях черепа, прозвучал не голос, а ощущение:

«Не бойся. Это только начало.»

Оно было беззвучным, но смысл проник в его сознание с кристальной ясностью, как инъекция чистого холода прямо в мозг.

Гленн выронил снимок. Плёнка мягко шлёпнулась на бетонный пол. Он стоял, тяжело дыша, глаза расширены от ужаса.

Это не было просто физическим объектом. Оно было сознательным. И оно было связано с ним. И оно росло.

Он поднял снимок дрожащими руками, сунул его в папку и почти побежал по коридору. Ему нужно было на воздух. Нужно было думать.

Вечером он не пошёл прямо домой. Он пошёл в парк, сел на скамейку у замёрзшего пруда и смотрел на сумерки. В голове крутился один и тот же вопрос: что теперь?

Он мог остановиться. Перестать делать эти «акты милосердия». Вернуться к старой модели поведения: работа, дом, минимум эмоций, максимум эффективности. Возможно, тогда «это» внутри него уснёт навсегда. Но это означало бы предать самого себя, предать тот шанс, что ему дали. Предать Лидию и Иру снова, пусть и по-другому.

Или он мог продолжать. Стать тем человеком, которым всегда хотел быть — внимательным мужем, заботливым отцом, хорошим, по-настоящему хорошим человеком. Но цена... цена была в том, чтобы кормить это чужеродное существо внутри себя. Растить его. И кто знает, к чему это приведёт?

Он сидел, пока не стемнело окончательно и не зажглись фонари. Холодный ветерок гулял по аллеям, но холод в его груди был глубже и неотвратимее. Он чувствовал себя сосудом. И в этом сосуде, рядом с вином его новой жизни, плескался чужой, тёмный, ледяной осадок.

Когда он, наконец, пошёл домой, он принял решение. Он не откажется от своего шанса. Он будет жить. Полноценно. А с «этим»... с этим он разберётся. Он хирург. Если что-то в теле лишнее и угрожает жизни — это удаляют. Когда-нибудь он найдёт способ удалить и это. Демон ничего не сказал о невозможности обратного действия.

Эта мысль придала ему сил. Он вошёл в дом, где пахло ужином, и услышал смех из гостиной. Лидия и Ира смотрели какой-то мультфильм.

— Папа! — закричала Ира. — Иди к нам! Тут такой смешной медведь!

Он улыбнулся, снял пальто и прошёл в комнату. Он обнял их обеих, прижавшись к тёплому комку семьи на диване. И в этот момент, в момент чистого, безусловного счастья, холод в груди отозвался. Не вспышкой. А тихим, глубоким, почти вибрационным удовлетворением. Как будто то, что внутри, тоже... наслаждалось этим теплом.

Гленн замер. Это было хуже, чем стук. Хуже, чем тяжесть. Это было сочувствие. Чужое сознание внутри него разделяло его эмоции. Питалось ими.

Он медленно отстранился.

— Что-то не так? — спросила Лидия, глядя на него.

— Всё хорошо, — сказал он, целуя её в макушку. — Всё прекрасно.

И это была правда. И ложь одновременно. В нём росло что-то прекрасное — новая жизнь, новая семья, новый он. И в нём же росло что-то чужое, холодное и голодное. Две сущности в одной грудной клетке. Его собственное горячее сердце и холодный, беззвучный пульс того, что, он теперь был уверен, было вовсе не беззвучным. Оно просто ждало своего часа.

В ту ночь, когда дом затих, Гленн лежал без сна. Он прислушивался. Сначала к привычным звукам: тиканью часов, шуму машин за окном, дыханию Лидии. Потом к внутренним: стуку своего сердца. И там, в паузах между ударами, в тишине, которая была не совсем тиши-

ной, он уловил его. Едва слышный, фоновый гул. Как работающий где-то в подвале холодильник. Это был звук его нового спутника. Холодный, постоянный, нерушимый звук присутствия.

Он положил руку на шрам. Тот, как всегда, был холодным. Но теперь Гленну казалось, что под пальцами он чувствует не просто кожу, а нечто вроде... крышки. Крышки сосуда, в котором заключено нечто древнее, спящее и очень, очень голодное.

«Второй заход», — с горечью подумал он. Демон не соврал. Он действительно дал второй шанс. Но с ним в комплекте шёл безмолвный пассажир, билет которого оплачивался не деньгами, а частичками души.

Гленн закрыл глаза, пытаясь заглушить внутренний гул. Ему предстояло жить с этим. Бороться или принять — он ещё не решил. Но одно он знал точно: его личный кардиограф, вшитый в плоть, только начал свою работу. И следующая запись на его ленте могла быть куда страшнее простого стука в ночи.

Глава 3

Симбиоз

Зима вступила в свои права плотно и бесцеремонно, завалив город снегом, который быстро превращался в серую, плотную кашу на тротуарах. Но для Гленна эта зима была самой тёплой за всю его жизнь — и в прямом, и в переносном смысле. Дом сиял огнями, пах корицей, мандаринами и детским смехом. Лидия расцвела, как будто с неё сняли невидимый груз постоянного ожидания и разочарования. Ира болтала без умолку, рассказывая о школе, подругах и о том, как здорово, что папа теперь почти всегда дома к ужину.

Гленн изо всех сил старался быть тем человеком, которого они в нём видели. Он сократил количество дежурств, перепоручил часть плановых операций молодым коллегам, что вызывало неоднозначную реакцию в больничных кругах. «Сиверский сдаёт», — шептались за его спиной. «Поймал, наверное, вторую молодость», — подмигивали другие. Его мало волновали эти разговоры. У него была война на другом фронте. Внутреннем.

«Спутник», как он мысленно называл сущность в своей груди, вёл себя относительно спокойно. Холодная тяжесть стала привычным фоном, как шум в ушах. Ночные стуки повторялись не каждую ночь, а раз в несколько дней, всегда после какого-то яркого эмоционального события — особенно счастливого момента с Ирой, нежного разговора с Лидией, даже после того, как он помог соседской старушке донести тяжёлые сумки до квартиры. Казалось, Спутник питался не столько самим актом милосердия, сколько эмоциональным резонансом, который этот акт вызывал в самом Гленне. Его радостью, его умилением, его чувством выполненного долга.

Однажды, в середине декабря, произошёл инцидент, который заставил Гленна взглянуть на ситуацию под новым углом.

Он зашёл в больничную столовую поздно, после сложной экстренной операции. В углу, за отдельным столиком, сидела медсестра из детского онкогематологического отделения — Таня, тихая, всегда уставшая женщина лет тридцати. Она сидела, сгорбившись над тарелкой супа, и тихо, беззвучно плакала. Слёзы капали прямо в тарелку.

Старый Гленн кивнул бы ей вежливо и прошёл мимо. У каждого свои проблемы. Новый Гленн замедлил шаг. Он знал, что у Тани недавно умер пациент — мальчик семи лет, лейкоз. Боролись долго, но не справились.

Он купил две чашки кофе, подошёл к её столику и молча поставил одну перед ней. Она вздрогнула, подняла заплаканное лицо.

— Гленн Павлович... я...

— Пейте, — тихо сказал он, садясь напротив. — Не стыдно. У нас тут все плачут. Только по-разному.

Она с благодарностью взяла чашку, согревая о неё ладони.

— Он так верил, что поправится к Новому году... Говорил, что Дед Мороз обязательно подарит ему здоровье... А я... я обещала, что мы сделаем всё возможное.

— Вы и сделали, — сказал Гленн. Его собственный голос прозвучал для него самого неожиданно мягко. — Всё, что могли. Иногда... иногда возможного просто не хватает. Это не ваша вина. Это наша общая профессиональная трагедия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.